

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МИЗОНОВА

аспирант сектора фольклористики и литературоведения
(с фонограммархивом) Института языка, литературы
и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
mizonova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГЕРОЯ ФИНСКОЙ ПОДРОСТКОВОЙ АНТИУТОПИИ

Аннотация. Рассматривается художественный образ главной героини популярного романа финской писательницы Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» (Teemestarin kirja, 2012 год) в контексте характеристики типичного героя молодежной антиутопии. Роман, написанный с расчетом на зарубежную аудиторию, переведен на двадцать языков; в Финляндии он позиционируется как литература young adult, в России анонсировался как экологическая антиутопия. В статье анализируются локальные особенности финской подростковой антиутопии. При помощи сравнительно-сопоставительного метода было выявлено, что в романе Э. Итяранта нет героя-бунтаря, поскольку проблема человечества не в несовершенстве политической системы, но в нежелании и неумении взаимодействовать с природой, которую человек использует как источник ресурсов. Финский локальный вариант антиутопии отличают стремление главного героя к познанию истины через обретение истории и оптимистичный финал, поскольку экологическая катастрофа оказывается обратимым процессом.

Ключевые слова: финская литература, Эмми Итяранта, антиутопия, young adult, литературный герой

Для цитирования: Мизонова А. Н. Специфика образа героя финской подростковой антиутопии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1025

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке на фоне различных экономических, экологических и других проблем масштаба страны и всего мира антиутопия стала популярным жанром художественной литературы. К. С. Киктева в статье, посвященной методическому потенциалу антиутопий, выделяет черты, которые сближают читателей-подростков из России с героями американских художественных произведений young adult: ощущение нестабильности окружающего мира, необходимость пройти отбор или испытание, организованные взрослыми, «высокотехнологичные» миры [5: 77–78]. При этом романы и повести, написанные для юношества, привлекают внимание взрослой читательской аудитории, что объясняется не только стилистической простотой и захватывающим сюжетом произведений, но и психологическими особенностями наших современников [9].

В последние годы вышло несколько фундаментальных трудов, посвященных изучению антиутопии. В 2022 году была издана коллективная монография «The Palgrave Handbook of Utopian and Dystopian Literatures» («Справочник

Пэлгрэйва по утопической и антиутопической литературе»), в которой рассматриваются жанровые вопросы в синхронии и диахронии, формы реализации, меняющиеся в зависимости от реципиента и канала передачи информации, а также политическая и идеологическая подоплека, природные и культурные пространства и локальные варианты антиутопий [17]. В сборнике статей 2020 года финские литературоведы исследовали апокалиптические мотивы, экологическую тему и лингвистические особенности англоязычных антиутопий [13]. Российские литературоведы, занимающиеся проблемами антиутопии, В. В. Жилинка (Костенкова), Д. С. Солобуто, С. Г. Шишкина, Л. М. Юрьева и др., интересуются не только становлением жанра в XX веке, но и изменениями тематики и системы образов персонажей в начале XXI века [3], [7], [10], [11].

Финские ученые обратились к изучению антиутопии в начале XXI века. В 2017 году вышел сборник статей, в котором рассматриваются социальные аспекты, темы экологии и изменения климата, традиция изображения катастроф

и чрезвычайных ситуаций, а также жанровое разнообразие финской антиутопии. С. Исомаа и Т. Лахтинен отмечают следующие особенности: как правило, действие происходит в Финляндии; в социальной дистопии поднимаются гендерные вопросы; писатели часто обращаются к теме актуальных социально-политических угроз, приводящих к утрате чувства безопасности, которое является ценностью финского общества [14: 11–12]. Й. Райпола в своем исследовании выявляет отсутствие в финской антиутопии конвенциональных жанровых особенностей и отмечает, что человек может быть показан не как герой, возвышающийся над окружающим миром природы, а как уничтожающий себя вид животных, который своим поведением лишил себя какого-либо выбора в будущем [18: 103].

Тема экологии для финской культуры очень важна: по мнению финских исследователей Т. Лахтинена, С. Грюнтал и В.-М. Вярри, экологический кризис начала XXI века не только повлиял на темы детской и молодежной литературы, экологические вопросы приняты во внимание и в государственном образовательном стандарте [16: 51, 53]. При этом отличительной чертой финских экологических антиутопий и экотриллеров, по словам Т. Лахтинена, является

«переосмысление национальной идентичности в глобализирующемся мире, где границы между государствами или нейтральная внешняя политика уже не могут защитить от технологических рисков и проблем окружающей среды» [15: 80].

Темы, поднимаемые литературой для детей и подростков, показывают, что все большую долю в формировании идентичности занимает личная и коллективная ответственность за окружающую среду и действия в этой области [16: 52]. Л. М. Юрьева отмечает, что идеи Е. И. Замятина перешли позднее в экологическую литературу: «Природа человека неразрывно связана с самой природой» [11: 76].

РОМАН «ДНЕВНИК ЧАЙНОГО МАСТЕРА»

По словам С. Исомаа и Т. Лахтинена, популярность постапокалиптических антиутопий для подростков в мировом масштабе привела к тому, что многие финские писатели в наши дни нацелены на зарубежную читательскую аудиторию [14: 12]. Эмми Итяранта (род. в 1976) – одна из таких авторов. Ее дебютный роман «Teemestarin kirjа» (в переводе Е. В. Богданова «Дневник чайного мастера»)¹ издан на финском языке в 2012 году, а в 2014-м вышел на английском языке в США, Великобритании и Австралии. Еще в 2011 году, до публикации, «Дневник чайного мастера» был объявлен победителем

конкурса научно-популярных и фантастических романов издательства «Geos», а после публикации в Финляндии был отмечен премиями «Kalevi Jäntti» («Калеви Янтти») и «Nuori Aleksis» («Молодой Алексис»). В дальнейшем оригинал и его переводы были номинированы на несколько литературных премий в разных странах. После выхода финноязычного варианта роман был переведен на восемь языков; издание англоязычной версии, возможно, привлекло внимание к «Дневнику чайного мастера», и в настоящее время изданы переводы более чем на 20 языках. В 2022 году в Финляндии по роману был снят фильм «Хранитель воды» («Vedenvartija»), что дает возможность прогнозировать очередной всплеск интереса к оригинальному произведению.

На книжном рынке «Дневник чайного мастера» традиционно аннотируется как экологическая антиутопия, показывающая жизнь человечества после экологической катастрофы в условиях ограниченного запаса пресной воды, распределение которой контролируется военными.

Литературный жанр антиутопии начал формироваться в Финляндии в 1990-е годы, при этом отдельные произведения появлялись уже в 20-е и особенно в 70–80-е годы XX века [14: 10–11]. Х. Самола² отмечает, что жанр антиутопии занял свое место в финской литературе на рубеже XX–XXI веков, а в последние десятилетия завоевал признание в молодежной среде [19: 10, 35]. Экологическая катастрофа, тоталитарный режим, пандемия становятся популярными темами young adult литературы в целом, а в Финляндии жанр «Дневника чайного мастера» уточняется именно как антиутопия (а точнее, дистопия) для молодежи [19: 30]. Поскольку наша работа посвящена не вопросам жанра, будем считать материал исследования примером подростковой антиутопии, не вдаваясь в дискуссию о терминологии. Подростковая антиутопия привлекает внимание и российских литературоведов: И. В. Игнатова, Е. В. Лекаревич, П. В. Бобровская выделяют типичные сюжеты, мотивы и образ героя, однако объектом их интереса являются англоязычные произведения [1], [4], [6].

Э. Итяранта изначально была нацелена на широкую читательскую аудиторию за пределами родной Финляндии и писала дебютный роман одновременно на двух языках, финском и английском³. Но при этом в «Дневнике чайного мастера» прослеживаются черты, позволяющие именно финскому школьнику или студенту [12: 31] ассоциировать себя с героем романа: имена многих героев – это окказионализмы, созданные по законам фонотактики финского языка и моделям существующих онимов (Noria

(ср. *Norja*), *Sanja* (ср. *Senja*, *Tinja*, *Tarja*), *Lian* (ср. *Lia*), *Niiramo* (ср. *Niitamo*)); Нория сдает *ylioppilaskirjoitus* (аналог ЕГЭ); используются реальные онимы (*Kaitio*) и топонимы (*Kuusamo*, *Kuolajärvi* – рус. Куолоярви). Представляется интересным проанализировать, как герой такого своеобразного в плане предполагаемой читательской аудитории романа коррелируется с каноническим образом героя подростковой антиутопии.

«ДНЕВНИК ЧАЙНОГО МАСТЕРА» КАК АНТИУТОПИЯ YOUNG ADULT

Сопоставив архетипичные [11: 73–76], частотные признаки антиутопии начала XXI века⁴ и типичные черты жанра подростковой антиутопии [6: 139–141], можно выделить следующие характеристики романа «Дневник чайного мастера»:

1) Действие происходит в огромном государстве *Skandinavian Unioni* («Скандинавская уния») после глобальной экологической катастрофы. В результате изменения климата и таяния ледников многие города затопило и соленая вода попала в реки, а после нефтяных войн произошло заражение пресной воды на территории бывших Швеции и Норвегии. Из-за этого на Земле сократились запасы пресной воды, населению в основном выдают опресненную морскую воду. Стоит отметить, что в романе Э. Итяранта экологическая катастрофа оказывается в итоге обратимой. В конце повествования Нория, выйдя из дома, впервые ощущает холод и видит иней – это значит, что началось восстановление природы, которое было предсказано отдельными учеными. «Сегодня утром мир выглядит таким, каким мы его оставили, но я все же не узнаю его, открыв дверь. Не только цвет, но и запах, и тишина – все стало другим» (246).

2) Одним из последствий катастрофы был приход к власти Нового Киана, оккупировавшего Скандинавскую унию. Именно военные осуществляют контроль над водой: устанавливают месячную норму и распределяют воду населению, выдают разрешения на ремонт водопровода, расследуют «аквапреступления» и карают за них. Кроме того, «леса находятся под усиленной охраной, куда доступ гражданским запрещен – это же касалось полей и нескольких оставшихся озер с пресной водой» (79), а в город с некоторых пор пускают только при предъявлении паспорта и наличии веской причины. То есть произошло становление тоталитарного государства, агрессия которого выражается не только в ведении войны, но и в том, что она направлена на аборигенов, чья жизнь полна лишений. Тоталитаризму в архетипичной антиутопии, по словам Л. М. Юрьевой, «противопоставляется любовь и природа (то, что естественно)» [11: 75]. И если для американ-

ских подростковых дистопий характерна тема любви, то в романе Э. Итяранта естественным является природа, а точнее – вода.

3) Некоторая идеологичность лексики (к примеру, *vesitarkastaja* – ‘акваинспектор’, *vesirikos* – ‘аквапреступление’, *vesipartio* – ‘аквапатруль’) в сочетании с темой власти военных создает картину тоталитарного государства.

4) В том числе и на лексическом уровне вводятся элементы фантастики как способ создания образа будущего или непохожего на наш мира. В романе встречаются следующие группы окказионализмов: а) средства передвижения – *helipyörä* ‘солнцевел’ (*heli* < *Helios* + колесо, ср. *polkupyörä* ‘велосипед’ букв. Тропа + колесо), *helivaunu* ‘солнцекар’ (*heli* < *Helios* + *устар.* автомобиль); б) бытовые и технические приспособления – *aurinkopoltin* ‘горелка’ (солнце + горелка), *kuylmälaite* ‘холодильник’ (холод + приспособление, ср. *jääkaappi* ‘холодильник’ букв. лед + шкаф), *hyönteishuppu* ‘сетка’ (насекомое + капюшон, ср. *hyttyshattu* ‘накомарник’ букв. комар + шапка, *kärpäshuppu* ‘накомарник для лошадей’ букв. муха + капюшон), *vesileili* ‘бутылка’ (‘бурдюк’ вода + туюс), *roihulyhty* ‘фонарь’ (пламя + фонарь), *roihukärpänen* ‘огневка’ (пламя + муха, ср. *kiiltomato* ‘светлячок’ сверкание + червяк); в) род занятий – *vesitarkastaja* ‘акваинспектор’ (вода + наблюдатель), *muoviseppä* ‘пластиковых дел мастер’ (пластик + кузнец, ср. *puuseppä* ‘столяр’ букв. дерево + кузнец); г) топонимы *Uusi Pietari* ‘Новый Петербург’, *Mos Qua* ‘Мос-Ква’, *Xinjing* ‘Синджинь’ (*Xinjiang* ‘Синьцзян’ + *Beijing* ‘Пекин’).

5) В романе прослеживается внеисторичность действия как характерная черта антиутопии вообще. После глобальной катастрофы начинается новая эра, в которую была уничтожена историческая и культурная память народа (бумажные книги были заменены на «трансляторные книги, которые кроились и перекраивались, а потом стало возможным удалить из памяти мира все, что угодно, одним простым нажатием кнопки» (242)). Произошло деление на *entismaailma* ‘прежний мир’ и *nykymaailma* ‘нынешний мир’, в котором естественно не интересоваться прошлым (как говорит подруга главной героини, «Что толку от книги, где нет ни Сумрачного века, ни неомира!» (68)). При этом временная перспектива героя подростковой антиутопии расширяется, то есть герой обретает историю: Нория с подругой исследуют свалку и находят артефакты прежнего мира, они смогли прослушать найденные ими CD-диски и узнать о причинах глобальной катастрофы и об изменениях, произошедших в мире; Нория читает бумажные книги из библиотеки матери, в которых расска-

зывается о прежнем мире; от отца Нория получает во время обряда посвящения дневники, которые вели чайные мастера их рода на протяжении многих поколений.

6) Расширение места действия как способ расширения возможностей героя: отец Нории приводит ее к источнику, спрятанному в пещерах на вершине горы недалеко от деревни; мать Нории организует для дочери возможность выехать в университетский город; Нория и Санья готовят к поездке в далекие Утраченные земли.

7) Эпизод похода к источнику, являющийся отправным моментом развития сюжета, можно рассматривать как момент инициации, так как тайну рода чайных мастеров отец передает дочери в день ее совершеннолетия.

8) В романе происходит характерное для подростковой антиутопии понижение статуса взрослого. В прологе первое упоминание о родителях – мысли Нории о том, что она разрушила надежды отца, а мать так и не увидела, как ее дочь стала чайным мастером. Затем читатель узнает, что матери Нории пришлось переехать из-за работы в другой город, а отец девушки умирает, и кульминационное событие своей жизни Нория пережила одна.

9) Обязательный компонент антиутопии – бунтующий герой. Как отмечает В. В. Жилинка, бунт может проявляться в форме внутреннего протеста против системы, а не только в форме активного действия [3: 2]. Учитывая, что бунтарем может быть не только одиночка, но «коллектив единомышленников, состоящий в оппозиции к существующему строю» [10: 217], семью чайного мастера можно было бы интерпретировать как пассивного коллективного бунтаря, чье противостояние власти состоит в утаивании горного источника, хранении бумажных книг с информацией о прежнем мире и желании исследовать водные ресурсы запретных Утраченных земель, то есть в сохранении и передаче традиций и знаний о воде, ведь

«у воды есть разум и память, что она помнит все, что когда-либо случилось в мире – с той самой эпохи, когда человека еще не было и до этого мгновения, оставляющего свой след в ее памяти» (90).

Это запретное истинное знание противопоставляется утилитарному знанию Саньи, антагониста главного героя: «Я думаю не о них (людях прежнего мира. – А. М.), а об их устройствах» (28).

Однако в «Дневнике чайного мастера» происходит типичное для подростковой антиутопии понижение статуса родителей, а акция протеста против оккупации Киана (самосожжение троих молодых людей, о котором рассказы-

вают жители деревни) единичная и проходная для сюжета в целом, поэтому оснований для становления «множественного», «коллективного» героя и тем более поляризации системы персонажей, характерной для «новой» антиутопии конца XX – начала XXI века, нет⁵.

Таким образом, для молодежной антиутопии характерен герой-бунтарь, или герой-воин в типологии героя подростковой литературы П. В. Бобровской [1: 19], который, в отличие от героя взрослой антиутопии, не согласен «потерпеть поражение и снова вернуться к коллективному... (он. – А. М.) все-таки одерживает эту победу, даже если это стоит ему жизни» [6: 140]. Нория действительно умирает. Но при этом цель Нории – выяснить истинные причины глобальной катастрофы, а не выступить против правящего режима и сделать воду общественным достоянием. Хотя в образе Нории отмечаются «внутреннее сопротивление, активность души», характерные, по словам А. Н. Воробьевой, для персонажей современной литературы [2: 258], цель ее несвойственна типу «героя-борца». Норию нельзя однозначно причислить к обычному для young adult антиутопии типу «героя-жертвы», о котором пишет, в частности, В. В. Жилинка [3: 2], [8: 288]. Ее можно назвать жертвой как человека, пострадавшего от неудачи, но не как совершившего самопожертвование («аквапатруль нагрянул в дом в тот день, когда они должны были отправиться в дорогу» (251)).

Оппозиция «свой – чужой» выражена в романе не столько в противопоставлении главного героя коллективу или властям (жителям деревни и военным), сколько в необходимости выбора главной героиней одного из вариантов «мы». «Нам хочется обеспечить тебе безопасную жизнь, но у нас разное мнение о том, какой она должна быть», – объясняют Нории родители (75). Таким образом, Нория поставлена перед выбором способа получения знания – остаться с отцом хранить традиции чайных мастеров или уехать с матерью в университетский город исследовать возможные запасы пресной воды в Утраченных землях.

У читателя создается впечатление, что Нория выбирает путь чайного мастера, оставшись в деревне и пройдя обряд посвящения. Но уже после смерти отца, получив поддельное удостоверение личности для поездки к матери, она снова оказывается перед выбором:

«Да, я могу послушаться маму и поехать в Синджинь или послушаться отца и остаться здесь, стать навсегда хранителем сокровенного источника. Или же я могу поступить по своей воле и выбрать свой путь, не продиктованный ни одним из родителей. Сначала все эти возможности казались мне одинаковыми, но потом одна

из них начала брать верх над другими, склоняя меня в свою сторону» (173–174).

В результате главная героиня пошла своим путем, организовав собственную экспедицию в Утраченные земли. То есть Нориа приходит к осознанию себя как личности, что характерно для подростковой литературы, но при этом ее образ – не типичный для антиутопии бунтарь, идущий против системы.

При кажущемся соблюдении канона подростковой антиутопии можно отметить и другие нетипичные черты:

а) расширение места действия в романе – мнимое. Подготовку переезда к матери в Синджинь Нориа использовала как отвлекающий маневр. Поездка Нории и Саньи в Утраченные земли не состоялась, и Нориа пишет рассказ о произошедшем, находясь в заточении в собственном доме, то есть расширение пространства главного героя происходит только на ментальном уровне;

б) понижение статуса родителей неоднозначно. Хотя исследования матери финансируют военные, она не переходит на их сторону, а только пользуется возможностью исследовать водные запасы Утраченных земель: «Я не на их стороне. Но хочу, чтобы они поверили, что это так» (47). То есть Нориа, принимаясь за поиски записей экспедиции Янсена и подготавливая свою, идет путем матери, а оставшись в деревне с отцом, продолжает семейную традицию чайных мастеров. И хотя мать не может вернуться из-за прерванного железнодорожного сообщения во время беспорядков, она организует для Нории возможность выезда в Синджинь по поддельному удостоверению личности. Таким образом, нельзя утверждать, что родители главной героини являются ее антиподами или бросили ее в какой-то момент на произвол судьбы;

в) альтруизм Нории, делившейся водой с жителями деревни, оказывается по большей части вынужденным:

«Я и без слов понимала, что если не предложить воду ему [Юкара, который поймал девушек у входа в пещеру с источником] и его семье, то в пещере окажутся военные еще до того, как я приду сюда в следующий раз – если такой раз вообще представится» (178).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1) Роман Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» является локальным финским вариантом канонической подростковой антиутопии.

2) Для финской антиутопии действительно характерно рассматривать экологическую катастрофу как общую ответственность человечества, политические институты которого оказываются несостоятельными в выполнении своей задачи – обеспечении безопасности граждан. Несмотря на контроль и исследование водных ресурсов, человечество не в состоянии ни предупредить, ни нивелировать последствия экологической катастрофы, человек может только пережить период разрушения, как и все остальное живое на планете, и именно способность природы к возобновлению дает надежду на будущее.

3) Деятельность главной героини романа Нории направлена не столько на бунт против системы и отказ от игры по правилам правящего режима, сколько на познание себя как личности и осознание мира, в котором она живет.

4) Образ Нории не только нельзя отнести к типу героя-воина, но она даже не является типичным героем подростковой антиутопии, по крайней мере в типологии англоязычной литературы. Это утверждение косвенно подтверждает А. Хелле в исследовании «Дневника чайного мастера» с позиций эмпирической экокритики: «Если произведение интерпретировать как молодежную литературу, как это делают некоторые читатели, возможно, смерть молодого главного героя противоречит ожиданиям» [12: 36].

5) Для главной героини и ее ближайшего окружения в постапокалиптическом мире проблемой оказывается не только отсутствие ресурсов, но закрытость истинного знания о своем мире.

Поиск знания, желание обрести историю, а главное, обратимость экологической катастрофы – отличия финской экологической антиутопии, герой которой не борец, но искатель истины, дающей надежду.

Возможно, желание выяснить истину, свою природу, познать окружающий мир, при этом не идя открыто против системы, является инвариантом социально-политической темы, которая в финской антиутопии реализуется через страх потери безопасности при невозможности контроля социумом экологического развития, но ответ на этот вопрос требует обращения к более масштабному материалу исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Itäranta E. Teemestarin kirja [Электронная книга]. Helsinki: Teos, 2012. При ссылке на роман в круглых скобках указаны страницы по изданию: Итяранта Э. Дневник чайного мастера / Пер. с фин. Е. Богданова. М.: Текст, 2017. 256 с.

- ² Одна из первых финских литературоведов, которые начали изучать жанр антиутопии в литературе Финляндии в рамках исследовательского проекта университета Тампере «Synkistyvät tulevaisuudenkuvat: Dystooppinen fiktio nykykirjallisuudessa» (Мрачные картины будущего: Антиутопия в современной литературе) 2015–2019 гг.
- ³ О работе над романом Э. Итяранта рассказывала в апреле 2021 года на писательской пресс-конференции, организованной кафедрой финно-угорской филологии СПбГУ и центром FILI.
- ⁴ Костенкова В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2019. С. 40–41.
- ⁵ О «новой антиутопии» см.: Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. С. 9–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровская П. В. Подростковая литература постсоветского периода // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 16–20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2022/01/2022-01-04.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
2. Воробьева А. Н. Новая парадигма персонажных типов в современной литературе // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 23–25 мая 2013 года / Под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова. Т. 1. Самара: Самарский гос. ин-т культуры, 2013. С. 256–259 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24139999> (дата обращения 08.06.2023).
3. Жилинка В. В. Эволюция классической системы персонажей в антиутопии А. Старобинец «Живущий» // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 112 (08). С. 1–10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/62.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
4. Игнатова И. В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 6. С. 440–451.
5. Киктева К. С. Методический потенциал англоязычных антиутопий young adult // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3 (53). С. 76–84. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.53.3.07
6. Лекаревич Е. В. Масскульт для подростков: жанр антиутопии // Детские чтения. 2016. № 1 (9). С. 135–151.
7. Солобута Д. С. Антиутопия: эволюция и особенности жанра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 142–149.
8. Черняева Ю. Г. Подростковые антиутопии как новая веха жанра // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: Сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Белгород, 28 апреля 2022 года). Т. 2. Белгород, 2022. С. 284–288.
9. Шипилова Ю. В., Грунь А. В. Антиутопия: феномен популярности в XXI веке // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3-5 (73). С. 456–459.
10. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново, 2009. 230 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mkl.isuct.ru/e-lib/sites/default/files/inol3102009.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
11. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 320 с.
12. Helle A. “Kuitenkin siellä synkässä maailmassa näkyu myös toivoa”. Emmi Itärannan Teemestarin kirjan lukeminen empiirisen ekokritiikin näkökulmasta // Avain. 2023. Vol. 20, No 2. S. 24–41. DOI: 10.30665/av.124802
13. Isomaa S., Korppu J., Teittinen J. New perspectives on dystopian fiction in literature and other media. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 245 p.
14. Isomaa S., Lahtinen T. Kotimaisen nykydystopian monet muodot / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 7–16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
15. Lahtinen T. Tarina suuresta vedenpaisumuksesta. Risto Isomäen Sarasvatin hiekkaa ilmastofiktiona / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 73–87 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
16. Lahtinen T., Grüntal S., Värri V.-M. Kirjallisuus ja lukeminen ympäristökasvatuksessa // Joutsen. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2022. S. 51–66.
17. Marks P., Vieira F., Wagner-Lawlor D. A. Introduction // The Palgrave handbook of utopian and dystopian literatures. Switzerland, 2022. P. 1–21.
18. Raipola J. Miksi Hotel Sapiens on olemassa? Leena Krohnin romaani postapokalyptisen fiktion lajikonventioiden valossa / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 88–105 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
19. Samola H. Siniparran bordelli. Dystopian ja sadun lajiyhdistelmät romaaneissa Berenikes hâr, Huorasatu ja Auringon ydin. Tampere: Tampere University Press, 2016. 281 s.

Aleksandra N. Mizonova, Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 mizonova@yandex.ru

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE MAIN CHARACTER IN FINNISH YOUNG ADULT DYSTOPIAN LITERATURE

Abstract. The article examines the artistic representation of the protagonist in the popular novel *Memory of Water* (Teemestarin kirja, 2012) by Finnish author Emmi Itäranta in the context of characterizing a typical hero in young adult dystopian literature. It is worth noting that the novel, tailored for an international readership, has been translated into 20 languages, being categorized as young adult fiction in Finland and an environmental dystopia in Russia. The study assesses the distinctive elements of Finnish young adult dystopian subgenre. Through a comparative analysis, it was revealed that Itäranta's novel lacks a rebellious hero, as the problem of mankind lies not in the flaws of the political system, but in the unwillingness and inability to interact with nature and use its resources sustainably. The Finnish iteration of dystopia is characterized by the protagonist's pursuit of truth through unraveling history and an optimistic ending showing the reversibility of the ecological catastrophe.

Keywords: Finnish literature, Emmi Itäranta, dystopia, young adult, literary character

For citation: Mizonova, A. N. Specific characteristics of the main character in Finnish young adult dystopian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1025

REFERENCES

- Bobrovskaya, P. V. Young-adult literature of the post-Soviet period. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2022;1:16–20. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2022/01/2022-01-04.pdf> (accessed 08.01.2023). (In Russ.)
- Vorobyeva, A. N. New paradigm of character types in modern literature. *Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural change: Proceedings of the International research and practice conference, Samara, May 23–25, 2013*. Samara, 2013. P. 256–259. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24139999> (accessed 08.06.2023). (In Russ.)
- Zhilinka, V. V. Evolution of the classical system of characters in the dystopia *Living* by Anna Starobinets. *Scientific Journal of KubSAU*. 2015;112(08):1–10. (In Russ.)
- Ignatova, I. V. Specific features of young adult anti-utopia as a genre of fiction (on the material of S. Collins's trilogy "The Hunger Games"). *The Liberal Arts in Russia*. 2015;6:440–451. (In Russ.)
- Kikteva, K. S. Educational value of English-language young adult dystopias. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2020;3(53):76–84. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.53.3.07 (In Russ.)
- Lekarevich, E. V. Mass culture for teenagers: the genre of dystopia. *Children's Readings*. 2016;1(9):135–151. (In Russ.)
- Solobuto, D. S. Dystopia: evolution and specific features of the genre. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;3(858):142–149. (In Russ.)
- Chernyaeva, Yu. G. Teenage dystopias as a new milestone of the genre. *Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: Proceedings of the X All-Russian research and practice conference of students, undergraduates, graduate students and young researchers (Belgorod, 28 April 2022)*. Vol. 2. Belgorod, 2022. P. 284–288. (In Russ.)
- Shipilova, Yu. V., Grun, A. V. Anti-utopia: the phenomenon of popularity in the XXI century. *Eurasian Scientific Association*. 2021;3-5(73):456–459. (In Russ.)
- Shishkina, S. G. Origins and transformations of the literary dystopia genre in the twentieth century. Ivanovo, 2009. 230 p. Available at: <https://mkl.isuct.ru/e-lib/sites/default/files/ino13102009.pdf> (accessed 08.01.2023). (In Russ.)
- Yuryeva, L. M. Russian dystopia in the context of world literature. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
- Helle, A. "Kuitenkin siellä synkässä maailmassa näkyy myös toivoa". Emmi Itärannan Teemestarin kirjan lukeminen empiirisen ekokritiikin näkökulmasta. *Avain*. 2023;20(2):24–41. DOI: 10.30665/av.124802
- Isomaa, S., Korpua, J., Teittinen, J. New perspectives on dystopian fiction in literature and other media. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 245 p.
- Isomaa, S., Lahtinen, T. Kotimaisen nykydystopian monet muodot. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:7–16. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Lahtinen, T. Tarina suuresta vedenpaisumuksesta. Risto Isomäen Sarasvatin hiekkaa ilmastofiktiona. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:73–87. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Lahtinen, T., Grüntal, S., Värri, V.-M. Kirjallisuus ja lukeminen ympäristökasvatuksessa. *Joutsen*. 2022:51–66.
- Marks, P., Vieira, F., Wagner-Lawlor, D. A. Introduction. *The Palgrave handbook of utopian and dystopian literatures*. Switzerland, 2022. P. 1–21.
- Raipola, J. Miksi Hotel Sapiens on olemassa? Leena Krohnin romaani postapokalyptisen fiktion lajikonventioiden valossa. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:88–105. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Samola, H. Siniparran bordelli. Dystopian ja sadun lajiyhdistelmät romaaneissa Berenikes hår, Huorasatu ja Auringon ydin. Tampere, 2016. 281 s.

Received: 10 August 2023; accepted: 31 January 2024